

П. Жильяр

Император Николай II и его семья

Избранные главы

Глава XXI

Екатеринбург. — Кончина Царской семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

По приезде в Тюмень, 22 мая, мы были немедленно отправлены под сильным караулом к специальному поезду, который должен был нас отвезти в Екатеринбург. Когда я собирался войти в поезд вместе со своим воспитанником, я был отделен от него и посажен в вагон четвертого класса, охраняемый, как и все прочие, часовыми. Мы прибыли в Екатеринбург ночью, и поезд остановился в некотором расстоянии от вокзала.

Утром, около девяти часов, несколько извозчиков стали вдоль нашего поезда, и я увидел каких-то четырех человек, направлявшихся к вагону детей.

Прошло несколько минут, после чего приставленный к Алексею Николаевичу матрос Нагорный прошел мимо моего окна, неся маленького больного на руках; за ним шли Великие Княжны, нагруженные чемоданами и мелкими вещами. Я захотел выйти, но часовой грубо оттолкнул меня в вагон.

Я вернулся к окну. Татьяна Николаевна шла последней, неся свою собачку, и с большим трудом тащила тяжелый коричневый чемодан. Шел дождь, и я видел, как она при каждом шаге вязла в грязи. Нагорный хотел прийти ей на помощь — его с силой оттолкнул один из комиссаров... Несколько мгновений спустя, извозчики отъехали, увозя детей по направлению к городу.

Как мало я подозревал, что мне не суждено было снова увидеть детей, при которых я провел столько лет. Я был убежден, что за нами придут, и что мы снова скоро соединимся с ними.

Однако часы проходили. Наш поезд возвратили на вокзал, затем я видел, как проходили генерал Татищев, графиня Гендрикова и г-жа Шнейдер, которых уводили. Немного спустя пришла очередь камерлакея Государыни Волкова” старшего повара Харитонов, лакея Группы и маленького четырнадцатилетнего кухонного мальчика Леонида Седнева.

Кроме Волкова, которому удалось позднее убежать, и маленького Седнева, которого пощадили, ни одному из тех, кто был увен в этот день, не было суждено уйти живым из рук большевиков.

Мы все ждали. Что же, однако, происходило? Почему не приходили и за нами? Мы предавались уже всякого рода предположениям, когда около 5 часов в наш вагон вошел комиссар Родионов, приехавший за нами в Тобольск, и объявил нам, что “в нас больше не нуждаются” и что “мы свободны”.

Свободны! Как? Нас разлучили с ними? Тогда все кончено?! Возбуждение, которое нас поддерживало до тех пор, сменилось глубоким отчаянием. Что делать? Что предпринять? Мы были подавлены...

Я и сейчас не могу понять, чем руководствовались большевистские комиссары при выборе, который спас нашу жизнь. Зачем было, например, заключать в тюрьму графиню Гендрикову и в то же время оставлять на свободе баронессу Буксгевден, такую же фрейлину Государыни? Почему их, а не нас? Произошла ли путаница в именах и должностях? Неизвестно.

На следующий и в течение еще нескольких дней я ходил со своим коллегой к английскому¹ и шведскому консулам — французский консул был в отсутствии. Надо было во что бы то ни стало попытаться что-нибудь сделать, чтобы прийти на помощь заключенным. Оба консула нас успокоили, говоря, что уже были предприняты шаги, и что они не верят в непосредственную опасность.

Я прошел мимо дома Ипатьева, окна которого были видны из-за окружавшего его дощатого забора. Я еще не потерял всякой надежды в него вернуться, так как доктор Деревенько, которому было дозволено навещать Алексея Николаевича, слышал, как доктор Боткин, от имени Государя, просил начальника стражи, комиссара Авдеева, чтобы мне было разрешено к ним вернуться. Авдеев ответил, что он запросит Москву. Пока мы все, с моими сотоварищами, временно разместились,

---

¹ Я считаю долгом отдать справедливость весьма мужественному поведению английского консула г. Престона, который не побоялся вступить в открытую борьбу с большевистскими властями, рискуя своей личной безопасностью.

кроме доктора Деревенько, который взял квартиру в городе, — в привезшем нас вагоне четвертого класса. Нам пришлось остаться в нем больше месяца.

26-го мы получили приказание немедленно покинуть пределы Пермской губернии (в которой находится Екатеринбург) и вернуться в Тобольск. Нам нарочно дали на всех один документ, чтобы принудить нас держаться вместе, для облегчения надзора над нами. Но поезда уже не ходили, противобольшевистское движение русских добровольцев и чехов² быстро распространялось, и железнодорожная линия была предоставлена исключительно для воинских эшелонов, которые спешно направлялись на Тюмень. Это была новая отсрочка.

В то время, как я однажды, вместе с доктором Деревенько и мистером Гиббсом, проходил мимо дома Ипатьева, мы заметили двух стоявших там извозчиков, окруженных многочисленными красногвардейцами. Каково же было наше волнение, когда мы узнали на первом из них лакея Великих Княжен Седнева, сидевшего между двумя стражами. Нагорный подходил ко второму извозчику. Он ступил на подножку, опираясь на крыло пролетки, и, подняв голову, заметил нас трех, стоявших неподвижно в нескольких шагах от него. Он пристально посмотрел на нас в продолжение нескольких секунд и затем, не сделав ни малейшего движения, которое могло бы нас выдать, в свою очередь сел в пролетку. Пролетки отъехали, и мы видели, что они направились по дороге в тюрьму.

Эти два милых малых были, немного спустя, расстреляны: все их преступление состояло в том, что они не могли скрыть своего возмущения, когда увидели, как большевики забирают себе золотую цепочку, на которой висели у кровати больного Алексея Николаевича его образки.

---

² В мае 1918 года чехо-словацкие войска, состоявшие исключительно из бывших военнопленных, представляли из себя, вследствие усиления их Керенским, две полные дивизии; они были расположены вдоль сибирской железной дороги от Самары до Владивостока; их собирались переправить во Францию. Германский генеральный штаб, желая помешать этим войскам присоединиться к силам союзников в Европе, дал большевикам приказание их обезоружить. Вслед за отклонением чехами ультиматума, между ними и большевиками, которыми командовали немецкие офицеры, вспыхнула вооруженная борьба. К чехо-словацким войскам не замедлили присоединиться добровольческие отряды. Таково было происхождение движения, начавшегося в Омске и охватившего вскоре всю Сибирь.

Прошло еще несколько дней, после чего я узнал через доктора Деревенько, что просьба доктора Боткина относительно меня отклонена.

3-го июня наш вагон прицепили к одному из многочисленных поездов с голодающими, приезжавшими из России искать себе продовольствия в Сибири, и мы были направлены на Тюмень, куда прибыли, после многих мытарств, 15-го числа. Несколько часов спустя, я был арестован большевистским штабом, куда был принужден отправиться, чтобы раздобыть необходимые мне и моим сотоварищам пропуски. Лишь благодаря счастливному стечению обстоятельств, я был вечером отпущен и смог вернуться в вагон, где меня ожидали. Мы пережили затем несколько невыразимо жутких дней во власти случайностей, которые могли обнаружить наше присутствие. Нас спасло, вероятно, то, что нам удалось пройти незаметно, затерявшись в толпе беженцев, переполнявших тюменский вокзал.

20 июля белые (так называли противобольшевистские войска) завладели Тюменью и освободили нас от этих извергов, жертвой которых мы чуть было не сделались. Несколько дней спустя, газеты воспроизвели расклеенную по улицам Екатеринбурга прокламацию с извещением, “что смертный приговор против бывшего царя Николая Романова приведен в исполнение в ночь с 16 на 17 июля и что Императрица и дети увезены и находятся в верном месте”.

Наконец 25 июля пал в свою очередь Екатеринбург. Лишь только сообщение было восстановлено, что потребовало очень долгого времени, так как полотно железной дороги сильно пострадало, мы с мистером Гиббсом бросились на поиски Царской семьи и наших сотоварищей, оставшихся в Екатеринбурге.

Через день после моего приезда я в первый раз проник в дом Ипатова. Я обошел комнаты верхнего этажа, служившие им тюрьмой; они были в неопишемом беспорядке. Видно было, что были приняты все меры, чтобы уничтожить всякий след живших в них. Кучи золы были выгребены из печей. В них находилось множество мелких полусгоревших вещей, как то зубные щетки, головные шпильки, пуговицы и т. п., среди которых я нашел ручку головной щетки с заметными еще на побуревшей слоновой кости инициалами Государыни: “А.Ф.” Если правда, что узников вывезли, то их, стало быть, увезли в чем они были, не дав им даже возможности захватить никаких самых необходимых туалетных принадлежностей.

Я заметил затем на стене у одного из окон комнаты Их Величеств любимый знак Государыни “совастика”³, который она приказывала всюду изображать на счастье. Она нарисовала его также карандашом на обоях на высоте кровати, которую занимала, вероятно, она и Алексей Николаевич. Но сколько я ни искал, мне не удалось обнаружить ни малейшего указания, по которому мы могли бы узнать об их участии.

Я спустился затем в нижний этаж, большая часть которого была полуподвальная. С величайшим волнением проник я в комнату, которая, быть может, — я еще имел сомнения — была местом их кончины. Вид этой комнаты был мрачнее всего, что можно изобразить. Свет проникал в нее только через одно, снабженное решеткой, окно на высоте человеческого роста. Стены и пол носили на себе многочисленные следы пуль и штыковых ударов. С первого же взгляда было понятно, что там было совершено гнусное преступление и убито несколько человек. Но кто? Сколько?

Я приходил к мысли, что Государь погиб, и, раз это было так, я не мог допустить, чтобы Государыня его пережила. Я видел, как в Тобольске она бросилась туда, где опасность казалась ей самой сильной, когда комиссар Яковлев явился, чтобы увести Государя; я видел, как после многочасовых терзаний, в течение которых ее чувства жены и матери отчаянно боролись между собой, она в смертельной тревоге покинула своего больного ребенка, чтобы последовать за мужем, жизни которого грозила, как ей казалось, опасность. Да, это было возможно, они, быть может, погибли оба, став жертвой этих животных. Но дети? Тоже перебиты?! Я не мог этому поверить. Все мое существо возмущалось при этой мысли. И однако все доказывало, что жертвы были многочисленны. Тогда, что же?..

В следующие дни я продолжал свои изыскания в Екатеринбурге, в окрестностях, в монастыре, везде, где я мог надеяться получить какое бы то ни было указание. В повидался с отцом Строевым, который последним совершал богослужение в Ипатьевском доме в воскресенье, 14-го, то есть за два дня со страшной ночи. У него, увы, также оставалось очень мало надежды.

Предварительное следствие подвигалось очень медленно. Оно началось при чрезвычайно трудных обстоятельствах, так как между 17 и 25 июля большевистские комиссары имели время уничтожить почти все следы своего преступления. Тотчас же после взятия Екатеринбурга

---

³ Совастика — индийский религиозный символ, состоящий из равностороннего креста, линии которого загнуты влево: если они загнуты вправо, по направлению солнца, знак называется “свастика”.

белыми военными властями распорядились поставить стражу вокруг дома Ипатьева, и было приступлено к дознанию, но нити были так искусно запутаны, что разобраться в них становилось очень трудно.

Самым важным показанием было показание нескольких крестьян из села Коптяки, расположенного в 20 верстах к северо-западу от Екатеринбурга. Они пришли заявить, что в ночь с 16 на 17 июля большевики заняли одну из полей в соседнем лесу, и оставались там несколько дней. Они принесли предметы, найденные ими около заброшенной шахты, неподалеку от которой были заметны следы большого костра. Несколько офицеров отправились на указанную лесную поляну и обнаружили еще другие вещи, которые, как и первые, были признаны принадлежавшими Царской семье.

Следствие было поручено члену Екатеринбургского окружного суда Ивану Александровичу Сергееву. Оно протекало нормально, но трудности были значительны. Сергеев все больше и больше склонялся в мысли о гибели всех членов семьи. Но тел обнаружить не удалось и показания известного числа свидетелей поддерживали предположение о перевозке Государыни и детей. Эти показания, — как было установлено впоследствии, — исходили от агентов большевиков, оставленных ими нарочно в Екатеринбурге, чтобы запутать расследование. Их цель была отчасти достигнута, так как Сергеев потерял драгоценное время и долго не замечал, что идет по ложному пути.

Проходили целые недели, не принося с собой новых данных. Я решил тогда возвратиться в Тюмень вследствие крайней дороговизны жизни в Екатеринбурге. Перед отъездом я получил, однако, обещание от Сергеева, что он меня вызовет, если в ходе предварительного следствия произойдет сколько-нибудь важное обстоятельство.

В конце января 1919 года я получил телеграмму от генерала Жанена, которого знал в Могилеве в бытность его начальником французской военной миссии при Ставке. Он приглашал меня приехать к нему в Омск. Несколько дней спустя, я покинул Тюмень и 13 февраля приехал во французскую военную миссию при Омском правительстве⁴.

---

⁴ Союзники решили воспользоваться происходящим в Сибири противобольшевистским движением и использовать на месте чехословацкие войска, создав на Волге против германо-большевистских войск новый фронт, который мог бы произвести диверсию и притянуть часть немецких сил, освободившихся после Брест-Литовского договора. Отсюда — посылка Англией и Францией военных и гражданских миссий в Сибирь. Во главе антибольшевистского правительства в Омске стоял тогда адмирал Колчак.

Отдавая себе отчет в исторической важности следствия, производившегося об исчезновении Царской семьи, и желая знать его результаты, адмирал Колчак поручил в январе генералу Дитерихсу привезти ему в Екатеринбург следственное производство, а также все найденные вещи. 5 февраля он вызвал следователя по особо важным делам Николая Алексеевича Соколова и предложил ему ознакомиться с расследованием. Два дня спустя, министр юстиции Старынкевич поручил ему продолжать дело, начатое Сергеевым.

Тут я познакомился с г. Соколовым. С первого нашего свидания я понял, что убеждение его составлено, и у него не остается никакой надежды. Что касается меня, то я еще не мог поверить такому ужасу.

— “Но дети, дети!” — кричал я ему.

— “Дети разделили судьбу родителей. У меня по этому поводу нет и тени сомнения”.

— “Но тела?”

— “Надо искать на поляне — там мы найдем ключ от этой тайны, так как большевики провели там три дня и три ночи не для того, чтобы просто сжечь кое-какую одежду”.

Увы, заключения следователя не замедлили найти себе подтверждение в показании одного из главных убийц — Павла Медведева, которого незадолго перед тем взяли в плен в Перми. Ввиду того, что Соколов был в Омске, его допрашивал 25 февраля в Екатеринбурге Сергеев. Он признал совершенно точно, что Государь, Государыня и пять детей, доктор Боткин и трое прислуг были убиты в подвальном этаже дома Ипатьева в течение ночи с 16 на 17 июля. Но он не мог или не хотел дать никаких указаний относительно того, что сделали с телами после убийства.

Я в продолжение нескольких дней работал с Соколовым; затем он уехал в Екатеринбург, чтобы продолжать на месте следствие, начатое Сергеевым.

В апреле к нему присоединился и стал ему помогать генерал Дитерихс, вернувшийся из Владивостока, куда его посылал со специальным поручением адмирал Колчак. С этого времени следствие стало быстро подвигаться вперед. Были допрошены сотни людей, и лишь только сошел снег, на поляне, где крестьяне села Коптяки нашли вещи, принадлежавшие Царской семье, были предприняты обширные работы. Колодезь шахты был расчищен и осмотрен до дна. Пепел и земля с части поляны были просеяны сквозь сито и вся окружающая местность тщательно осмотрена. Удалось установить местоположение двух больших костров и неясные следы третьего... Эти систематические изыскания не замедлили привести к открытиям чрезвычайной важности.

Посвятив себя целиком предпринятому делу и проявляя неутомимое терпение и самоотвержение, Соколов в несколько месяцев восстановил с замечательной стройностью все обстоятельства преступления.

Глава XXII

Обстоятельства преступления, установленные следствием

На последующих страницах я изложу обстоятельства убийства Царской семьи в том виде, в каком они вытекают из показаний свидетелей и данных следствия. Из шести объемистых томов рукописного материала, в которых заключается следствие, я извлек существенные обстоятельства этой драмы, по поводу которой, увы, не остается никаких сомнений. Впечатление, испытываемое при чтении этих документов, походит на отвратительный кошмар, но я не считаю себя вправе смягчать его ужаса.

Около половины апреля 1918 года председатель московского центрального исполнительного комитета Янкель Свердлов, уступая давлению Германии⁵, послал в Тобольск комиссара Яковлева, чтобы перевезти Царскую семью. Этот последний получил приказание доставить ее в Москву или в Петроград. Он встретил, однако, при исполнении своего поручения противодействие, которое пытался преодолеть, как это установлено следствием. Это противодействие было организовано уральским областным правительством, местом пребывания которого был Екатеринбург. Это правительство, без ведома Яковлева, приготовило западню, при помощи которой оно хотело завладеть особой Государя при его проезде. Но представляется установленным, что этот проект получил тайное одобрение Москвы. В самом деле, более, чем правдоподобно, что Свердлов сыграл двойную игру и что, притворно подчиняясь в Москве настояниям барона Мирбаха, он вошел с

---

⁵ Цель, которую преследовала Германия, была монархическая реставрация в пользу Царя или Цесаревича под условием признания Брест-Литовского договора и последующего союза России с Германией. Это предположение провалилось, вследствие сопротивления императора Николая II, который, вероятно, сделался жертвой своей верности союзникам.

екатеринбургскими комиссарами в соглашение не выпускать Царя из своих рук. Как бы то ни было, водворение Государя в Екатеринбурге было неожиданно. Купец Ипатьев был в два дня выселен из своего дома, и было предпринято возведение прочной дощатой ограды, доходившей до верха окон второго этажа.

Туда были привезены 30 апреля Государь, Государыня, Великая Княжна Мария Николаевна, доктор Боткин и сопровождавшие их трое прислуг: горничная Государыни Анна Демидова, Камердинер Государя Чемадунов и лакей Великих Княжен Седнев.

Вначале стража состояла из солдат, которых брали случайно и которые часто менялись. Позднее в ее состав вошли исключительно рабочие завода Сысерти и фабрики братьев Злоказовых. Во главе ее стоял комиссар Авдеев, комендант “дома особого назначения” — так именовался дом Ипатьева.

Условия жизни узников были гораздо тяжелее, нежели в Тобольске. Авдеев был закоренелый пьяница, дававший волю своим грубым наклонностям; он ежедневно изошрялся, вместе со своими подчиненными, в измышлении новых унижений для заключенных. Приходилось мириться с лишениями, переносить издевательства и подчиняться требованиям и капризам этих грубых и низких тварей.

Цесаревич и его три сестры были немедленно после их приезда в Екатеринбург, 23 мая, привезены в дом Ипатьева, где их ждали родители. После мучительной разлуки это воссоединение было громадной радостью, несмотря на тягостность положения в настоящем и грозную неизвестность в будущем.

Несколько часов спустя, туда же был доставлен старый повар Харитонов, лакей Трупп и маленький поваренок Леонид Седнев. Генерал Татищев, графиня Гендрикова, г-жа Шнейдер и камер-лакей Государыни Волков были прямо отправлены в тюрьму.

Чемадунов, заболевший 24-го, был переведен в тюремную больницу; его там забыли и, благодаря этому, он чудом избег смерти. Через несколько дней увезли, в свою очередь, Нагорного и Седнева.

Число тех немногих людей, которых оставили при заключенных, быстро уменьшалось. По счастью, при них оставался доктор Боткин, преданность которого была изумительна, и несколько слуг испытанной верности: Анна Демидова, Харитонов, Трупп и маленький Леонид Седнев. В эти мучительные дни присутствие доктора Боткина послужило большой поддержкой для узников; он окружил их своей заботой, служил посредником между ними и комиссарами и приложил все усилия, чтобы защитить их от грубости стражи.

Государь, Государыня и Цесаревич занимали комнату, выходившую углом на площадь и на Вознесенский переулок, четыре Великих Княжны — соседнюю комнату, дверь в которую была снята; первые ночи они провели, не имея кроватей, на полу. Доктор Боткин спал в гостиной, а горничная Государыни в комнате, находившейся на углу Вознесенского переулка и сада. Что касается прочих узников, то они были помещены в кухне и смежной с нею зале.

Состояние здоровья Алексея Николаевича ухудшалось вследствие утомления от путешествия; он лежал большую часть дня и, когда выходили на прогулку, его носил до сада Государь.

Семья и прислуга завтракала и обедала вместе с комиссарами, поместившимися в том же этаже. Царская семья жила, таким образом, в постоянном общении с этими грубыми людьми, которые чаще всего бывали пьяны.

Дом был обнесен двойной дощатой оградой; он сделался настоящей крепостью-тюрьмой. Внутри и снаружи были посты часовых, в самом здании и в саду стояли пулеметы. Комната комиссара, первая при входе, была занята комиссаром Авдеевым, его помощником Мошкиным и несколькими рабочими. Остальная стража жила в подвальном этаже, но солдаты часто подымались наверх и проникали, когда заблагорассудится, в комнаты, где жила Царская семья.

Однако вера очень сильно поддерживала мужество заключенных. Они сохранили в себе ту чудесную веру, которая уже в Тобольске вызвала удивление окружающих и давала им столько сил и столько ясности в страданиях. Они уже почти порвали с здешним миром. Государыня и Великие Княжны часто пели церковные молитвы, которые против воли смущали их караул.

Во всяком случае стражи понемногу смягчились в общении с заключенными. Они были удивлены их простотой, их привлекала к себе их кротость, их покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскоре почувствовали превосходство тех, которых думали держать в своей власти. Даже сам пьяница Авдеев оказался обезоруженным таким величием духа; он почувствовал свою низость. Глубокое сострадание сменило у этих людей первоначальную жестокость.

Екатеринбургские советские власти состояли:

- а) из “уральского областного совета”, в котором было тридцать, приблизительно, членов под председательством комиссара Белобородова;
- б) из “президиума”, представлявшего из себя своего рода исполнительный комитет из нескольких членов: Белобородова, Голощекина, Сыромолотова, Сафарова, Войкова и т. д.;

в) из “чрезвычайки” (народное наименование чрезвычайной комиссии для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией), центр которой находился в Москве и имел сеть отделов по всей России. Чрезвычайка представляет из себя мощную организацию, которая является основой советского строя. Каждый отдел получает приказания непосредственно из Москвы и приводит их в исполнение собственными средствами. Всякая сколько-нибудь важная чрезвычайка имеет в своем распоряжении отряд, состоявший из отпетых людей — всего чаще австро-германских пленных, латышей, китайцев и т. д., которые в действительности — лишь щедро оплачиваемые палачи.

В Екатеринбурге чрезвычайка пользовалась всемогуществом. Ее наиболее влиятельными членами были комиссары Юровский, Голощекин и т. д.

Авдеев состоял под непосредственным контролем прочих комиссаров, членов “президиума” и “чрезвычайки”. Они не замедлили дать себе отчет в перемене, которая произошла в настроении стражи по отношению к заключенным, и постановили принять решительные меры. В Москве тоже беспокоились, как это доказывает следующая телеграмма, посланная Белобородовым из Екатеринбурга Свердлову и Голощекину, находившемуся тогда в Москве: *“Сыромолотов только что выехал в Москву, чтобы устроить дело согласно указаниям центра. Опасения неосновательны. Напрасно беспокоитесь. Авдеев устранен. Мошкин арестован. Авдеев заменен Юровским. Внутренняя стража переименована, ее заменили другие”*.

Это телеграмма от 4 июля.

В этот день, действительно, Авдеев и его помощник Мошкин были арестованы и заменены комиссаром Юровским, евреем, и его помощником Никулиным. Стража, состоявшая, как было сказано, исключительно из русских рабочих, была перемещена в один из соседних домов, в дом Попова.

Юровский привез с собой 10 человек, которые почти все были австро-германскими пленными и “выбраны” из числа палачей “чрезвычайки”. Начиная с этого дня, они заняли внутренние посты;

наружные посты продолжали выставляться русской стражей.

“Дом особого назначения” сделался отделением чрезвычайки, и жизнь заключенных превратилась в сплошное мученичество.

В это время убийство Царской семьи уже было решено в Москве: это доказывает вышеприведенная телеграмма. Сыромолотов уехал в Москву, “чтобы организовать дело согласно указаниям центра”... Он

вернулся с Голощекиным и привез инструкции и директивы Свердлова. Юровский, тем временем, принимал свои меры. Он несколько дней подряд выезжал верхом и разъезжал по окрестностям в поисках места, удобного для его намерений, где он мог бы предать уничтожению тела своих жертв. И этот же человек, цинизм которого превосходил все, что можно вообразить, являлся потом навещать Цесаревича в его постели.

Прошло несколько дней; Голощекин и Сыромолотов вернулись, все было готово.

В воскресенье 14 июля Юровский приказал позвать священника, отца Строева, и разрешил совершить богослужение. Узники — уже приговоренные к смерти, и им нельзя отказать в помощи религии.

На следующий день он приказал увести маленького Леонида Седнева в дом Попова, где находилась русская стража.

16-го, около 7 часов утра, он приказал Павлу Медведеву, которому всецело доверял, и который стоял во главе русских рабочих, принести ему двенадцать револьверов системы “Наган”, которые имелись у русской стражи. Когда это приказание было исполнено, он объявил ему, что вся Царская семья будет казнена в ту же ночь, и поручил сообщить об этом русской страже. Медведев сделал это около 10 часов.

Немного спустя, Юровский проник в комнаты, занимаемые членами Царской семьи, разбудил их и всех, живших с ними, и сказал им приготовиться следовать за ним. Предлогом он выставил то, что должен их увезти, потому что в городе мятежи и что пока они будут в большей безопасности в нижнем этаже.

Все в скором времени готовы и, забрав с собой несколько мелких вещей и подушки, спускаются по внутренней лестнице, ведущей во двор, через который входят в комнаты нижнего этажа. Юровский идет впереди с Никулиным, за ними следует Государь с Алексеем Николаевичем на руках, Государыня, Великие Княжны, д-р Боткин, Анна Демидова, Харитонов и Трупп.

Узники остановились в комнате, указанной им Юровским. Они были уверены, что пошли за экипажами или автомобилями, которые должны их увезти, и, ввиду того, что ожидание продолжалось долго, потребовали стульев. Их принесли три. Цесаревич, который не мог стоять из-за своей больной ноги, сел посреди комнаты. Царь сел слева от него, д-р Боткин стоял справа, немного позади. Государыня села у стены (справа от двери, через которую они вошли), неподалеку от окна. На ее стул, так же как и на стул Цесаревича, положили подушку. Сзади нее находилась одна из ее дочерей, вероятно Татьяна. В углу комнаты, с той же стороны, стояла Анна Демидова, у которой оставались в руках две подушки. Три остальные Великие Княжны прислонились к стене в

глубине комнаты; по правую руку от них, в углу, находились Харитонов и старый Трупп.

Ожидание продолжается. Внезапно в комнату возвращается Юровский с семьёю австро-германцами и двумя своими друзьями, комиссарами Ермаковым и Вагановым, заправскими палачами чрезвычайки. С ними находится Медведев. Юровский подходит и говорит Государю: “Ваши хотели вас спасти, но это им не удалось, и мы вынуждены вас казнить”. Он тотчас поднимает револьвер и стреляет в упор в Государя, который падает, как сноп. Это сигнал к залпу. Каждый из убийц выбрал свою жертву. Юровский взял на себя Государя и Цесаревича. Для большинства заключенных смерть наступила почти немедленно, однако Алексей Николаевич слабо застонал. Юровский прикончил его выстрелом из револьвера. Анастасия Николаевна была только ранена и при приближении убийц стала кричать; она падает под ударами штыков. Анна Демидова тоже уцелела, благодаря подушкам, за которыми пряталась. Она бросается из стороны в сторону и, наконец, в свою очередь падает под ударами убийц.

Показания свидетелей позволили следствию восстановить во всех подробностях ужасающую сцену избиения. Этими свидетелями являются один из убийц — Павел Медведев⁶, Анатолий Якимов, присутствующий несомненно при убийстве, хотя он это отрицает, и Филипп Проскуряков, рассказавший о преступлении со слов других зрителей. Они все трое входили в состав стражи дома Ипатьева.

Когда все было кончено, комиссары сняли с жертв их драгоценности, и тела были перенесены на простынях при помощи оглобель от саней до грузового автомобиля, ожидавшего у ворот двора между двумя дощатыми оградами.

Приходилось торопиться до восхода солнца. Автомобиль с телами проехал через еще спавший город и направился к лесу. Комиссар Ваганов ехал впереди верхом, так как надо было избегать встреч. Когда уже стали приближаться к лесной полянке, на которую направлялись, он увидел ехавшую ему навстречу крестьянскую телегу. Это была баба из села

---

⁶ Медведев был взят в плен при занятии Перми антибольшевистскими войсками в феврале 1919 г. Он умер месяц спустя в Екатеринбурге от сыпного тифа; он утверждал, будто присутствовал только при части драмы и сам не стрелял (другие свидетели удостоверяют обратное). Это классический прием, к которому прибегают для своей защиты все убийцы.

Коптяки, выехавшая ночью со своим сыном и невесткой для продажи в городе своей рыбы. Он немедленно приказал им повернуть обратно и вернуться домой. Для большей верности, сопровождая их верхом, он ехал рядом с телегой и запретил им, под страхом смерти, оборачиваться и смотреть назад. Все же крестьянка успела мельком увидеть большую темную массу, двигавшуюся позади всадника. Вернувшись в деревню, она рассказала о том, что видела. Под влиянием любопытства, крестьяне отправились на разведку и натолкнулись на цепь часовых, расставленных в лесу.

Между тем после больших затруднений, так как дорога была очень плоха, грузовик доехал до лесной поляны. Трупы были сложены на землю и частью раздеты. Тут комиссары обнаружили большое количество драгоценностей, которые Великие Княжны носили спрятанными под своей одеждой. Они тотчас ими завладели, но в спешке уронили несколько вещей на землю, где их затоптали. Трупы были затем разрезаны на части и положены на большие костры. Для усиления огня в них подлили бензина. Части, наименее поддающиеся огню, были уничтожены при помощи серной кислоты. В течение трех дней и трех ночей убийцы делали свою разрушительную работу под руководством Юровского и двух его друзей — Ермакова и Ваганова. Из города на поляну было привезено 175 килограммов серной кислоты и более 300 литров бензина.

Наконец 20 июля все было кончено. Убийцы уничтожили следы костров, и пепел был сброшен в отверстие шахты или разбросан вблизи опушки, дабы ничто не обнаружило того, что произошло.

Зачем эти люди так старались замести всякий след содеянного ими? Зачем они прячутся, как преступники, раз они утверждают, что творят дело правосудия, и от кого они прячутся?

Нам это объясняет в своем показании Павел Медведев. После преступления Юровский подошел к нему и сказал: “Оставь на месте наружные посты, а то как бы народ не взбунтовался”. И в следующие дни часовые продолжали охранять пустой дом, как будто ничего не произошло, как будто за оградой все еще находились узники.

Тот, кого надо было обмануть, кто не должен был знать — был русский народ.

Это доказывается другим обстоятельством — уводом из предосторожности 4 июля Авдеева и удалением русской стражи. Комиссары уже не доверяли тем рабочим заводов Сысерти и фабрики братьев Злоказовых, которые, однако, были их сторонниками и явились добровольно записаться в стражу, чтобы “сторожить Николая Кровавого”. Дело в том, что они знали, что одни иностранцы и наемные

палачи согласятся выполнить гнусное дело, которое им предложили сделать. Этими палачами были — еврей Юровский, русские каторжане Медведев, Никулин, Ермаков и Ваганов и семь немцев и австрияков.

Да, они прячутся именно от русского народа, эти люди, выдающие себя за его представителей! Его они боятся; его мести они опасаются.

Наконец, 20 июля, они решились говорить и объявить народу в расклеенной на улицах Екатеринбурга прокламации о кончине Царя. Пять дней спустя, пермские газеты опубликовали следующее извещение:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

президиума Уральского областного совета рабочих,
крестьянских и красноармейских депутатов:

Ввиду того что чехо-словацкие банды угрожают столице красного Урала, Екатеринбургу; ввиду того, что коронованный палач может избежать суда народа (только что обнаружен заговор белогвардейцев, имевший целью похищение всей семьи Романовых), президиум областного комитета, во исполнение воли народа, постановил: расстрелять бывшего Царя Николая Романова, виновного перед народом в бесчисленных кровавых преступлениях.

Постановление президиума областного совета приведено в исполнение в ночь с 16 на 17 июля.

Семья Романовых перевезена из Екатеринбурга в другое более верное место.

Президиум областного совета рабочих, крестьянских и
красноармейских депутатов Урала.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

президиума всероссийского центрального исполнительного
комитета от 18 июля 1918 г.

Центральный комитет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов в лице своего председателя одобряет постановление президиума Уральского комитета.

Председатель центрального исполнительного комитета
Я. СВЕРДЛОВ.

В этом документе объявляется о смертном приговоре, вынесенном якобы Екатеринбургским “президиумом” против Царя Николая II. — Ложь! Преступление, мы это знаем, было решено в Москве Свердловым и его указания были привезены Юровским, Голощекиным и Сыромолотовым.

Свердлов был головою, Юровский — рукою. Оба они были евреи.

Государь не был ни осужден, ни даже судим — да и кто бы мог его судить? Он был злодейски убит. Что же тогда сказать о Государыне, детях, докторе Боткине и трех слугах, погибших вместе с ними? Но что до того убийцам: они уверены в своей безнаказанности: пули умертвили, пламя истребило, земля прикрыла то, чего огонь не мог уничтожить. Да, они совершенно спокойны — никто из них не станет говорить, ибо они связаны между собой своим гнусным делом. И, казалось, комиссар Войков не без основания мог воскликнуть: “Свет никогда не узнает, что мы с ними сделали!”

Эти люди ошибались.

После нескольких месяцев колебаний следственные власти предприняли систематические изыскания в лесу. Каждая пядь земли была изрыта, ископана, испытана, и вскоре шахта, почва лесной поляны и трава по всей окрестности выдали свою тайну. Сотни предметов и обломков вещей, по большей части затоптанных и втоптанных в землю, были отрыты; их принадлежность была установлена, они были классифицированы следственной властью. Были найдены таким образом среди прочего:

Пряжка от пояса Государя, кусок его фуражки, маленькая рамочка от портрета Государыни, который он всегда носил на себе — самая фотография исчезла, и т. д.

Любимые серьги Государыни (одна разломана), куски ее платья, стекло от ее очков, которое можно узнать по его особой форме и т. д.

Пряжка от пояса Цесаревича, пуговицы и клочки его шинели и т. д.

Множество мелких вещей, принадлежавших Великим Княжнам: обломки их ожерелий, куски их обуви; пуговицы, крючки и застёжки.

Шесть металлических корсетных планшеток, шесть, — число говорящее само по себе, если вспомнить число жертв: Государыня, четыре Великих Княжны и горничная Государыни Демидова.

Искусственная челюсть доктора Боткина, обломки его пенсне, пуговицы от его одежды и т. д.

Наконец кости и куски обгоревших костей, частью разрушенные кислотой и частью носящие на себе следы режущего орудия или пилы;

револьверные пули (те, вероятно, которые остались в трупах) и довольно значительное количество расплавленного свинца.

Горестное перечисление реликвий, которые не оставляют надежды и свидетельствуют о правде во всей ее жестокости и ужасе! Комиссар ошибался — мир знает теперь про то, что они сделали с ними.

Однако убийцы беспокоились. Агенты, которых они оставили в Екатеринбурге, чтобы замести следы, ставили их в известность о ходе следствия. Они шаг за шагом наблюдали за его успехами. И когда, наконец, они поняли, что правда обнаружится и что весь мир вскоре узнает, что произошло, они испугались и попытались перевалить на других ответственность за свое злодеяние. Они стали тогда обвинять социалистов-революционеров в том, что они виновники преступления и что они хотели таким путем скомпрометировать партию большевиков. В сентябре 1919 года двадцать восемь человек были арестованы ими в Перми и судимы по ложному обвинению в участии в убийстве Царской семьи. Пять из них были приговорены к смерти и казнены.

Эта постыдная комедия свидетельствует еще раз о цинизме этих людей, не усомнившихся предать смерти невинных, чтобы не нести ответственности за одно из величайших в истории преступлений.

Мне остается сказать об Алапаевской трагедии, тесно связанной с Екатеринбургской и повлекшей за собою смерть нескольких других членов Императорской фамилии.

Сестра Государыни, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Великий Князь Сергей Михайлович, двоюродный брат Государя, князя Иоанн, Константин и Игорь, сыновья Великого Князя Константина Константиновича, и князь Палий, сын Великого Князя Павла Александровича, были арестованы весной и отвезены в маленький городок Алапаевск, расположенный в ста пятидесяти верстах к северу от Екатеринбурга. Монахиня Варвара Яковлева, обычная подруга Великой Княгини, и С. Реме, секретарь Великого Князя Сергея Михайловича, разделяли их заточение. Их содержали под стражей в здании школы.

В ночь с 17 на 18 июля, сутки спустя после Екатеринбургского злодеяния, за ними явились и под предлогом перевозки их в другой город отвезли за двенадцать, приблизительно, верст от Алапаевска. Там они были убиты в лесу. Их тела были брошены в отверстие старой шахты, где их нашли в октябре 1918 года, покрытые землей, которая осыпалась от разрывов ручных гранат, положивших конец мучениям жертв.

Вскрытие обнаружило следы огнестрельных ран на теле Великого Князя Сергея Михайловича, но следствие не могло с точностью установить, каким образом были умерщвлены прочие жертвы. Вероятно, что они были убиты ударами прикладов.

Это неслыханное по своему зверству злодеяние было делом комиссара Сафарова, члена екатеринбургского “президиума”, исполнявшего впрочем лишь приказания Москвы.

Несколько дней после взятия Екатеринбурга, во время приведения в порядок города и погребения убитых, неподалеку от тюрьмы подняли два трупа. На одном из них нашли расписку в получении 80 000 рублей на имя гражданина Долгорукова, и по описаниям свидетелей очень вероятно, что это было тело князя Долгорукова. Что касается другого, есть все основания думать, что оно было телом генерала Татищева.

И тот, и другой умерли, как они это и предвидели, за своего Государя. Генерал Татищев говорил мне однажды в Тобольске: “Я знаю, что я не выйду из этого живым. Я молю только об одном — чтобы меня не разлучили с Государем и дали мне умереть вместе с ним”. Он даже не получил этого последнего утешения.

Графиня Гендрикова и г-жа Шнейдер были увезены из Екатеринбурга через несколько дней после убийства Царской семьи и доставлены в Пермь. Там они были расстреляны в ночь с 3 на 4 сентября 1918 года. Их тела были найдены и опознаны в мае 1919 года.

Что касается матроса Нагорного, состоявшего при Алексее Николаевиче, и лакея Ивана Седнева, то они были умерщвлены в окрестностях Екатеринбурга в начале июня 1918 года. Их тела были найдены два месяца спустя на месте их расстрела.

Все, от генерала до простого матроса, без колебаний пожертвовали жизнью и мужественно пошли на смерть, а между тем этому матросу, простому украинскому крестьянину, стоило только сказать одно слово, чтобы спастись: ему достаточно было отречься от своего Государя. Этого слова он не сказал.

Они поступили так потому, что уже давно, в глубине простых и пламенных сердец, обрекли свои жизни в жертву тем, которых любили и которые сумели создать в окружающих столько привязанности, мужества и самоотвержения.